АЛЕКСЕЙ КАЗАКОВ

МНОГОБУКВ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ БАЙКИ

Алексей Казаков

Многобукв.
Ностальгические байки

«Издательские решения»

Казаков А.

Многобукв. Ностальгические байки / А. Казаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904929-2

«Многобукв» — ностальгические байки-воспоминания. Где-то смешные, где-то грустные. Приметы ушедших времён, свидетельства былых событий…

ISBN 978-5-44-904929-2

© Казаков А.
© Издательские решения

Содержание

ПЕРВОЕ ПРИОБЩЕНИЕ К ТАЙНЕ 6
РАБСТВО У ПИСКЛИ 7
СЧАСТЬЕ 8
КОСМОС КАК СОЧУВСТВИЕ 9
PIP-SHOU MUST GO ON 10
СЛАДОСТЬ СИЛЫ 11
ЛЕНИН И ГНОМЫ 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Многобукв
Ностальгические байки

Алексей Казаков

© Алексей Казаков, 2018

ISBN 978-5-4490-4929-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРВОЕ ПРИОБЩЕНИЕ К ТАЙНЕ

Мне было пять лет. В детсаду шёл новогодний праздник. Расстроенное пианино, астматический баян, снег из ваты, ёлка светится разноцветными огоньками. Мы, дети, радостны и возбуждены.

Я был зайчиком. Заячий хвост у меня был настоящий: папа был заядлым охотником (со временем приобщил и меня – но об этом позже). По сценарию праздника зайчик (в моем исполнении) должен был «отнести на почту» телеграмму Деду Морозу. Мне нужно были выйти в коридор и положить большой запечатанный конверт, обсыпанный блёстками, на журнальный столик.

Я вышел в коридор, аккуратно затворил за собой дверь, повернулся… и увидел на лестничной площадке Деда Мороза. Он курил папиросу, пуская дымок в приоткрытую форточку. Я увидел желтоватые зубы Деда Мороза.

Мы встретились глазами. Был момент растерянности. Потом я ощутил приобщение к тайне и одновременно – то, что я участвую в некоем заговоре. Я знал теперь больше, чем мои друзья за закрытой дверью актового зала

Конверт уже лежал на журнальном столике.

В шумный зал, где играла музыка, я вернулся другим человеком. На меня давила тяжесть увиденного. Нет, настоящий Дед Мороз не мог курить папиросу! Что-то здесь не то!

Роль зайчика у меня не клеилась.

Появились сомнения в искренности взрослых людей. И сказочный вечер стал портиться.

Ночью мне снился курящий Дед Мороз. Настоящий заячий хвостик лежал у меня под подушкой. До следующего нового года – уж тогда-то Дед Мороз будет настоящий! Без папиросы!

РАБСТВО У ПИСКЛИ

Писклёй прозвали в нашем детсаду А. К-на. Он постоянно «пищал»: жаловался воспитательницам и нянечкам на притеснения со стороны одногруппников.

Наши с ним родители дружили, мы часто встречались с А. К-ом дома и у его родителей, и у моих.

Однажды А. К-д увидел, что я в садике зажигал – страшное дело! – спички.

– А я все расскажу твоему папе, он тебе надаёт! – сладострастно объявил А. К-д.

– Но мы же друзья, – попытался я надавить на чувство товарищества.

– Спички детям не игрушка, – ответил товарищ.– А хочешь, не скажу?

– Хочу.

И тогда А. К-н взял меня в рабство: я должен был помогать ему в детсаду надевать сандалии и чулки (мы носили чулки с поясом, как взрослые тети, так тогда полагалось всем в нашем детсаду, невзирая на половые различия).

Три дня я покорялся судьбе и терпел унижения. Я доставал из шкафчика с изображением землянички чулки и сандалии и помогал А. К-ну облачаться после дневного сна. И уж только после этого открывал свой шкафчик с изображением груши и занимался собой.

На четвертый день я решил: хватит унижений – и отдубасил Писклю.

На следующий день он рассказал моему папе историю со спичками. Мой папа был озадачен своими делами и ничего не понял.

Пискля был в шоке. Его план не сработал. Я развлекался тем, что щедро отпускал Пискле пинки пониже поясницы. Иногда пинки чередовались подзатыльниками и бросанием песка в мокрые глаза Пискли. Он опять «пищал», бегал жаловаться воспитательнице. Воспитательница грозила мне пальцем, не вставая со скамейки. Она была немолодой, усталой, толстой и добродушной. Мы ее звали «Тётьвер».

…После университета (где мы снова встретились и даже учились в одной группе) А. К-н стал офицером госбезопасности. Но далеко не Штирлицем. Он вербовал стукачей в сектах. Дослужился до майора. Потом комиссовали – печень. Говорят, частенько расслаблялся после забот о государственной безопасности с помощью «злодейки с наклейкой».

Неужели он изначально был запрограммирован на вербовки и шантажи? И это проявилось еще в детсаду? А если бы я попался в его лапы уже взрослым? Вспомнил бы тогда Пискля мои подзатыльники?

Подумать страшно!

СЧАСТЬЕ

Я сижу на дереве, мне семь лет. Весна. Дерево кипит розовым цветом. Это был так называемый жердель – дикий абрикос.

Читаю книжечку о приключениях волшебного мелка.

Над моей головой поет соловей. Где-то гукает горлица.

Я боюсь свалится – левой рукой придерживаюсь за сук, правой держу книгу.

Тогда я не понимал, что нахожусь в раю. Я просто сидел на дереве, читал книгу и с некоторым беспокойством ждал, что бабушка вот-вот позовет меня собираться в школу – я ходил во вторую смену.

…А осенью дерево безжалостно трясли все, кому было не лень в нашем дворе, чтобы добыть дикие маленькие абрикосы. Часто били ногами по стволу. Я тоже. Это была неблагодарно и неблагородно к дереву, дарившему мне весной свою красоту и покой. Ощущало ли обиду дерево?

Да и дикие абрикосы не успевали вызревать, а потому все кончалось расстройством желудков (у нас, детей) и нервов (у наших родителей).

Было бы лучше, если бы дерево только цвело, и была бы вечная весна (без претензий на оригинальность мысли).

КОСМОС КАК СОЧУВСТВИЕ

Четвертый класс. Лучший мой друг того периода – Коля П-к. Он был страшно наивным, верил всему. Я приходил к нему в гости играть в настольный хоккей, а потом мы пили чай, и я рассказывал ему о том, что я-де родился не где-нибудь, а – в космосе. Причем я всё время менял версии: то я родился на борту космического корабля, то – на другой планете.

– А ты не брешешь? – робко спрашивал Коля (он был украинец, что отражалось в его лексике).

– Честное пионерское! – твердо отвечал я. Я уже и сам не знал, вру я или не вру.

…Спустя много лет, когда борода поседела, а ума не прибавилось (здоровая самокритика), я прочел в научно-популярном журнале, что психологи советуют людям, живущим или работающим в недружелюбной, агрессивной среде, представлять себе, что они – тайные посланцы внеземной цивилизации. Это, говорят, помогает преодолеть психологические проблемы.

После пятого класса Коля перешел в другую школу.

Мы встретились с ним много лет спустя на юбилее той школы, где когда-то учились вместе. Вспомнили наши хоккеи и чаи.

– Ты чо-то там такое брехал тохда… – неуверенно завел разговор Коля.

– Ну… Николай, – я сделал вид, что обрываю его, изобразил недоуменное лицо и якобы осторожно оглянулся по сторонам. Думал, Коля засмеется, подыграет.

– Понял: не здесь, – на полном серьезе отреагировал Коля.

Святая простота!

Больше мы не виделись.

PIP-SHOU MUST GO ON

Окна женской душевой общежития финансово-экономического техникума покрасили тёмно-жёлтой краской. Но удивительное дело – со стороны улицы. В первый же вечер, когда в заветном подвальчике зажегся свет, мы, трое шестиклассников, спрятались за бетонной нишей, ограждавшей окна цокольного этажа, и процарапали пятикопеечными монетами смотровые щели в толстом слое краски.

Шумела вода в душевой, а мы, затаив дыхание, впивались глазами в микроокошки, ведущие в мир заманчивый, неведомый, загадочный и опасный (могли ведь поймать ребята из общежития и отлупить; несколько раз, кстати, так и случилось).

Было много молодой мокрой плоти студенток финансово-экономического техникума. Плоть колыхалась, в горле у меня перехватывало. Кудрявые треугольнички завораживали.

Иногда на улице мы встречали студенток, которых накануне видели абсолютно голыми. У меня в этот момент просыпалась странная смесь жалости и нежности к взрослой девушке, о которой я знал самое-самое заветное. Вот одна из них – рассеянно идет мимо, кутается от снега в воротник (дело было зимой). Я чувствую по отношению к ней эту жалость-нежность и одновременно – покровительственную снисходительность. Я ведь знаю, что находится и под этим воротником, и под этой шубой и… ох, как много мне известно… Обо мне же она ничего такого не знает и знать не может! Я – заведомо в выигрыше.

Было её немного жалко: словно накануне она была вынуждена выполнять некую мою прихоть, хотя при этом, бедняжка, стеснялась и боялась – а куда денешься! У меня, было ощущение тайной власти над ней. Но власти доброго тирана. Хотя как-то нечестно получалось: я – да, а она – нет. Вот если бы… Эх…

Много позже мне пришло в голову, что эти девушки знали, что за ними подглядывают малолетки, и обе стороны ловили от этого кайф.

Вспоминая эти свои душевные «душевые» переживания, я перефразировал знаменитую фразу из культовой песни Фредди Меркури. В моей трактовке она звучит теперь так: «Pip-shou Must Go On!!!».

СЛАДОСТЬ СИЛЫ

Долгое время, класса до седьмого, меня в школе и во дворе били. Я был домашним, книжным, забалованным поздним ребенком. Бабушки, когда я играл на гитаре этюды Маттео Каркасси, дуэтом пели мне: «Гений, гений!». Отец же недовольно хмурился. Потом он купил себе и мне боксёрские перчатки.

В лесопосадке, по утрам (зимой – почти в темноте) он учил меня боксу. Я вредничал – и спать хотелось, и больно, и холодно, и с бабушками лучше…

Потом как-то раз наш класс сажал на уроке труда деревья. Мой давний обидчик Саша Н. подошел ко мне сзади, когда я возился с деревом, и толкнул меня. Я упал в яму. Все засмеялись, в том числе моя любимая девочка Валя.

Я спокойно подошел к Сашке (тот улыбался ранней фиксой) и провел серию коротких ударов: в челюсть справа, слева и прямо в нос. Мой обидчик оказался в нокдауне: он сидел на земле и тряс головой. Глаза его были пусты, почти безумны. Теперь все смеялись уже над ним, хохотала и его любимая девочка Жанна.

Но сладость силы я почувствовал не тогда, а на следующий день, когда в интонациях своих друзей-школьников уловил заискивание и почитание. Приблатнённый старшеклассник по кличке Жук угостил меня сигаретой «Дымок». Это было посвящение в новую, более высокую, касту.

Но потом во время занятий боксом я повредил сухожилие кисти и не смог больше брать сложные гитарные аккорды с барре – в запястье при этом словно гвоздь впивался.

Бабушки с грустью посматривали теперь на мои боксёрские перчатки. И уже не пели дуэтом: «Гений, гений!..»

Гитара пылилась за шкафом.

ЛЕНИН И ГНОМЫ

Каждое лето я проводил у своей бабушки в маленьком приморском городке. По вечерам с бабушкой Варварой (а иногда и с мамой и папой, приехавшими на выходные) мы гуляли с парке, где было много роз, где в беседке добродушные старички играли в шахматы под «софитом» огромной лампочки без абажура, висевшей на толстом проводе. В парке было много статуй – гномов ростом с пятилетнего ребенка. Гномы были выкрашены в пёстрые цвета, и лишь бороды их были белыми.

Сначала гномы были большими, потом они стали вровень со мной, а потом я уже мог поглядывать на них свысока. Гномы всегда улыбались мне, а их зелёные колпаки мне хотелось надеть – сначала поочередно, а потом все сразу, чтобы попасть в чудесную, сказочную страну и лишь иногда возвращаться из неё домой, чтобы увидеть своих родителей, бабушек и друзей…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.